

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ

SPEECH ETIQUETTE
AND NATIONAL MENTALITYR. Tsopanova
A. Ramonova

Summary: The article examines those Ossetian speech formulas, the content of which contains information about the mentality of the people. These are wishes, greetings, thanks, invitations, vows, requests, apologies, etc. In etiquette expressions, many words, acting as cultural concepts, are an important part of the linguistic picture of the world of the people. The Ossetian mentality in the content of speech formulas is indicated by appeals to God and various saints, to the Universe, swearing in the name of those who have gone to another world, there is tabooing of the names of husband, wife, children, there are ritualized appeals to acquaintances and strangers younger and older.

Keywords: communicative act, speech, speech etiquette, concept, mentality.

Цопанова Рита Георгиевнад-р филол. наук, проф., Северо-Осетинский
государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

г. Владикавказ

tsopanowarita@yandex.ru

Рамонова Алина ВладимировнаСеверо-Осетинский государственный университет
имени К.Л. Хетагурова г. Владикавказ

ramonovaalina@mail.ru

Аннотация: В статье исследуются те осетинские речевые формулы, в содержании которых имеется информация о менталитете народа. Это – пожелания, приветствия, благодарности, приглашения, клятвы, просьбы, извинения и др. В этикетных выражениях многие слова, выступая в роли культурных концептов, являются важной частью языковой картины мира народа. На осетинский менталитет в содержании речевых формул указывают обращения к богу и различным святым, ко Вселенной, приношение клятвы именем ушедших в иной мир, идет табуирование имен мужа, жены, детей, существуют обращения ритуализованного характера к знакомым и постоянным младшим и старшим.

Ключевые слова: коммуникативный акт, речь, речевой этикет, концепт, менталитет.

Введение

Речевые этикетные формулы являются культурным наследием народа и как социальные элементы влияют на коммуникативное поведение носителей языка, поэтому их изучение в национальных сообществах продолжает оставаться насущной задачей в современной лингвистике. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения ментального содержания осетинских речевых формул для раскрытия доминантных этических, морально-нравственных, религиозных, бытовых норм, которые остаются регулирующими нормами в жизни современного общества.

Цель исследования – дать комплексный анализ формул осетинского речевого этикета (слов, фразеологизмов, выражений) в аспекте национального менталитета.

Материалы и методы

Теоретической и методологической базой для исследования стали основные положения работ известных русских ученых по проблемам речевого этикета как важной составляющей национальной культуры: В.Е. Гольдина, И.А. Стернина, Н.И. Формановской, Г.С. Калининой, В.И. Карасика и др. О национальных этикетных клише других народов также написано немало работ: Б.Х. Бгажноков, З.Х. Бижева, Н.Э. Гаджихмедов, Л.М. Бахаева, Ф.Б. Цховребова, Б.Т. Дзуцева и др.

Материал исследования – осетинские речевые формулы из устно-разговорной речи, языка фольклора и художественной литературы. Авторами художественных произведений являются известные осетинские писатели. Их авторство в конкретных примерах не указывается, потому что они преимущественно используют традиционные этикетные клише.

При анализе этикетных выражений современного осетинского языка в аспекте национального менталитета исходим из тезиса о том, что язык есть «народный дух», «само бытие народа» (В. Гумбольдт).

Осознание человеком своей идентичности «в рамках своей принадлежности этносу и исчисляемой совокупности социальных групп и в границах своей уникальной личности» «фиксируется в языковом сознании и коммуникативном поведении» [7, с. 5]. Наглядно этот постулат доказывается в дискурсах формул речевого этикета.

Речевой этикет, несомненно, обладает рядом универсальных черт, общих для различных народов. Но при «совпадении коммуникативной ситуации в разных культурах возможно их разное этикетное наполнение» [9, с. 13].

«Знания, отражающие быт народа, его менталитет и историю, необходимы современному человеку» [3, с. 154], так как национально-культурное «присвоение» мира происходит под воздействием родного языка.

Содержание формул речевого этикета определяет социальную и национальную идентичность коллектива.

Особенностью осетинского коммуникативного поведения можно считать то, что использование этикетных формул мало зависит от социального статуса человека. Каждый представитель народа обязан использовать их в рамках установленной традиции. Они могут варьироваться в зависимости от индивидуальных особенностей общающихся: от знания языка, фантазии, красноречия, образованности. Но всегда сохраняется костяк речевых формул, который может обрастать дополнительными этикетными фразами.

То, что коммуникативное поведение «отличается несомненной национальной спецификой, связанной с обычаями, нравами, эстетическими вкусами народов» [2, с. 3], мы видим на примере осетинских речевых клише. Они указывают на многие особенности осетинского менталитета: быть доброжелательным, вежливым, гостеприимным, верить в высшую справедливость, уметь обходить острые углы в житейских и общественных спорах, верить в магическую силу слова, быть готовым к самопожертвованию, уметь прощать умному или кающемуся врагу и др.

В этикетных формулах многие слова являются культурными концептами, значения которых «составляют содержание национального языкового сознания и формируют «наивную картину мира» носителей языка» [4, с. 21].

Стержнем большинства этикетных выражений осетинского языка являются следующие культурные концепты: *мæ хур* (мое солнце), *бирæ* (много), *хорз* (хороший), *амонд* (счастье), *хорз амонд* (хорошее счастье), *амондджын* (счастливейший), *раст* (правый), *цин* (радость), *хорзæх* (добро, милость), *Лæгтыдзуар* (букв.: мужчин ангел), *де узæг* (твой гость), *хуртæ* (солнца), *хъæбул* (дитя), *рын* (болезнь), *нывонд* (жертва). Особенно часто используется слово *фарн* («общеиранское, религиозное понятие», ... оно обозначало все то благое, источником чего древние мыслили небо-солнце: 'небесная благодать', 'благополучие', 'преуспевание', 'благопристойность', 'мир', 'тишина') [1, с. 421].

Обращение к *фарну* как к духовной силе, которая оберегает человека в доме, в миру, в дороге, встречается во многих речевых формулах: *Фарн ам уæд!* (Пусть *фарн* будет здесь!); *Фæрнæйдзаг у!* (Будь полон *фарна*!); *Фарн ацы бынатæн!* (Фарн этому месту!); *Уе 'зæр хорз, æмæ фарн уæ ныхасы!* (Пусть ваш вечер будет хорошим, и *фарн* вашему *нихасу*! (*Нихас* – собрание и место собрания взрослых мужчин селения); *Фарн уæ балцы!* (Фарн вашему путешествию!); *Фæрнæй уæле фæбад, нæ буц хистæр!* (С *фарном* сидеть тебе в старших! (букв.: сидеть наверху), наш уважаемый старший!) и др.

Осетинский речевой этикет сохраняет ритуальный характер: слову придается магическое значение, на что указывают пожелания с обращением к богу и другим святым из пантеона осетинских божеств как к покровителям и защитникам от неудач и бед. Так, помочь путнику в дороге призывают *Уастырдж*: «самое почитаемое божество в осетинской мифологии. покровитель мужчин, путников и воинов» [6, с. 149]. Для женщин его имя – под запретом, поэтому они называют его *Лæгтыдзуар* (Божество мужчин): *Фæндагсар Уастырдж* – *уе 'мбал!* (Покровитель (букв.: дорога+голова) *Уастырдж* – ваш спутник!); *Дзæбæхæй сæмбæл, дзæбæхæй, Лæгтыдзуар дæ фæндараст кæнæд!* (Доберись в добром здравии, пусть *Лæгтыдзуар* благословляет тебя!); *Гъемæ лæппутæ лæггæнæг Уастырдж* – *дæ фæдзæхсæг!* (Ну и делающий из мальчиков мужчин *Уастырдж* – твой покровитель!) и др.

Во многих осетинских пожеланиях призывают на помощь Бога (*Хуыцау*), Создателя мира (*Дунейы сфæлдисæг*): *Хуыцауы арфæ дæ уæд!* (Пусть благословит тебя Бог!); *Хуыцауы уарзон фæу, æгас хæдзар ссар фæстæмæ!* (Будь любим Богом, вернись живым в свой дом!). Кроме того, у Бога просят блага, здоровья, быть оберегом от беды, защиты, сделать хорошее и многое другое.

В пожеланиях идет обращение за покровительством и к другим осетинским божествам с целью предохранить себя или близкого от неудач, напастей и др.: *Цы дзуары бынмæ цæут, уымæн уæ йæ хорзæх уæд!* (Пусть вас благословит (букв.: даст благо) то божество, к которому идете!); *Райсомы зæдтæ дыл аудæнт!* (Пусть покровительствуют тебе утренние духи!); *Мадымайрæм, фыдбылызæй нæ бахиз. Дæ фæдзæхст-у фæуæд нæ хæдзардарæг!* (Мать Мария, убереги нас от беды. Пусть наш кормилец будет под твоим покровительством!); *Дзæбæхæй куыд сыздæхай, ахæм арфæ дын Санибайы дзуæрттæ ракæнæнт!* (Пусть духи Санибы пожелают тебе вернуться живым!); *Хохæй быдырмæ цыдæриддæр зæдтæ æмæ дауджытæ ис, уыдоны узæг у, æххуысгæнæг дын уæнт!* (Будь под покровительством (букв.: гостем) всех духов и божеств, какие только имеются с гор до равнины, пусть помогают тебе!) и др.

Национально-специфичными являются формулы-клятвы с именем умершего, Бога (*Хуыцау*), отца, матери и самого говорящего: *Сомы дын кæнын ме дзæрд æфсымæры номæй!* (Клянусь тебе именем умершего (букв.: не пожившего) брата!); *Мæ мад, мæ фыдыстæн, нæ дæ сайын!* (Клянусь матерью, отцом, не обманываю тебя!); *Уæд мæ Хуыцау фесафæд, кæд гæды зæгъын!* (Тогда пусть Бог уничтожит меня, если я говорю неправду!); *Уæд мын мæ мард фен...!* (Увидь мою смерть, если...!)

«Наиболее эмоциональным наполнением (содержанием) обладают формулы с двойным значением. То

есть, имеющие две цели – просить и заклинать, просить и укорять» [8, с. 155]: *Дæ мад, дæ фыды хатыр бакæн, фæтæригъæд мын кæн! (Ради своей матери, своего отца, пожалей меня!)*

Характерной языковой частью ласкательных выражений в речевых выражениях в осетинском языке, произносимых женщинами, являются фразеологизмы, смысл которых заключается в принесении себя в жертву во имя дорогого человека: *О, дæ рынтæ дын ахæра дæ ныййарæг дзыцца! (О, пусть съест твои болезни твоя родившая тебя дзыцца (мама!); Дæ низтæ мæ уд ахæра! (Твои болезни пусть съест моя душа!); О, æна дын амæла! (О, пусть умрет у тебя ана (мама!); Уæ дæ нывонд æрбауон! (Да стану для тебя жертвой!)* и др.

В осетинском языке при отсутствии уменьшительно-ласкательных суффиксов средствами, усиливающими эмоционально-экспрессивную выразительность формул речевого общения, являются стереотипные этикетные ласкательные обращения, интонация, разные в зависимости от гендерных различий (*мæ цæсты рухс (свет моих глаз), мæ хуры чысыл (моего солнца крупинка), мæ удлаууæн (опора моей души), мæ удылхæцæг (державший мою душу), мæ къона (мой очаг), мæ бæлон (моя голубка), мæ цæргæс (мой орел), мæ ныфсы мæсыг (башня моей надежды), мæ лæугæ хох (моя стоячая гора), мæ дуне (мой мир)* и многие другие.

В качестве оберега вместо имени в обращениях к сыну, женщине, мужчине используются отрицательно-оценочные слова (*уæртæ æвзæр (вон плохой), уæртæ ныгулинаг (вон, который должен угаснуть)* и наименования религиозно-мифологических персонажей (*иблус (дьявол), хæйрæг (черт), хæйрæджын (бесноватый (букв.: наделенный чертом).*

Национально-культурного этического содержания следующие прагматические клише: *Де знаг дын балæггад кæнæд! (Пусть враг услужит тебе!); Чи дæ уарзы, уыдоны фæндиаг фæцæр! (Живи, как желают те, кто тебя любит!); Буц уæд дæ зæронд! (Пусть твоя старость будет в почете!); Адæмы хорзæх дæ! (Будь наделен милостью народа!); Дæ цæгаты хурæй бафсæд, не 'фсин! (Насыть тебя солнцем родительского дома, наша хозяйка!); Омменгæнæг уæм райгуырæд (Пусть у вас родится говорящий «оммен!» («Аминь!»), то есть родится мальчик. В застолье при вознесении молитвы восклицать «Оммен!» («Аминь!») – функция мужчины.*

Ментального содержания пожелания невестке: *Каркау бæдулджын куыд уай, бæласау фидар уидæгтæ куыд ауадзай ног хæдзары, ахæм амонд дæр дæ уæд! (Пусть у тебя будет такое счастье, чтобы было деток, как у курицы цыплят, чтобы пустила крепкие корни в новом доме!); Уæ чындз лæппуты мад фæуæд! (Пусть ваша не-*

вестка станет матерью мальчиков!)

По суеверному представлению осетин нельзя отвечать на просьбу категоричным *Нæй (Нет); Мæ бон нæу (Не могу)*. Связано это с верой в то, что при отказе добро отказывающегося становится собственностью черта. Отказ заменяется этикетными фразами.

Культурно-исторические коннотации наблюдаются в коммуникативном поведении в осетинской семье. Так, невестка не может обращаться по имени к свекру, свекрови, к старшему по возрасту деверю, к племянникам мужа. А в чьем-то присутствии не называет по именам мужа и детей. Жена к мужу может обращаться: *уæртæ лæг (вон мужчина), махон (наш), уыцы лæг (тот мужчина), сæ (уæ) фыд (их (ваш) отец), Гъей! (Эй!), Хъусыс? (Слышишь?)*, а муж к жене – *уæртæ ус (вон женщина), не 'фсин (наша хозяйка), по девичьей фамилии Козырон (из Козыревых), шутливо – Баситы хъал чызг (Басиевых гордая девушка)*. В некоторых сообществах существует обращение к супруге по ее национальности (*гуырдыаг – грузинка, сомыхаг – армянка, ирон – осетинка*) и по названию местности, откуда ее взяли в дом мужа (*Ольгинскæйаг – из Ольгинского, Дзаукоймаг – из Джавского ущелья*). К невесткам обращались *хистæр чындз (старшая невестка) и кæстæр чындз (младшая невестка)*,

Табуирование имен домочадцев наблюдается на Кавказе у многих народов. «Закрепление за именем определенной коннотации – это явление данной культуры, результат сложных ассоциаций, характеризующих именно данный национальный менталитет» [5, с. 58]. Так, в осетинском речевом этикете закрепилось обращение к матери и другими словами: *гыцци (мама), дзыцца (мама), чындз (невестка), нана (мама), æна (мать)*. Использование слова *чындз (невестка)* в обращении к матери связано с тем, что молодую невестку домочадцы называли *чындз (невестка)*. К такому обращению привыкали и ее дети.

При разговоре с незнакомым мужчиной в возрасте принято сначала попросить прощение, а потом использовать этикетные обращения: *Бахатыр кæн, нæ фыды хай (Извини, букв.: доля нашего отца), хорз лæг (хороший человек), к молодому человеку обращаются лæппу (парень), æфсымæр (брат), ме 'фсымæры хай (букв.: доля моего брата), мæ лымæн (мой друг)*. К незнакомой пожилой женщине обращаются *мæ (нæ) мады хай (букв.: доля моей (нашей) матери)*, к незнакомой девушке (или молодой женщине): *хорз ус (хорошая женщина), нæ хойы хай (доля нашей сестры), хорз чызг (хорошая девушка)*.

Обращение к бабушкам и дедушкам осетинскими словами *баба (дедушка), дада (дедушка), нана (бабушка)* сохраняются, но перестали быть традиционными. Их по-

степенно заменяют русские *papa* и *мама*, *дедушка* (*дедуля*), *бабушка* (*бабуля*).

Традиционные этикетные формулы, оставаясь неизменными, имеют варианты и обогащаются в индивидуальных выражениях, сопровождающих эти формулы. В них проявляется «свободное творчество», автора «с высокой степенью выразительности, метафоричности» [8, с. 143]. Например: *Уазæг фарнхæссæг у, мæ хур. Æнæуазæг хæдзарыл та хæлынбыттыр дæр не 'рвæссы (Гость приносит фарн, мой дорогой. А дом без гостя чужой даже для летучей мыши); Гъе, рухс Уастырджи, ракæс! Дæ хорзæх ратт! Хæстамонд нæ фæгæн! (Гей, святой Уастырджи, выгляни! Дай свое благословение! Дай нам победу (букв.: счастье войны); Хорз фæндæгтыл цæут кæддæриддæр. Мæ уд уæ цæуæн зæххыты фæхъхъау! (По хорошим дорогам идите всегда. Моя душа пусть будет принесена в жертву дорогам, по которым ходите!)).*

Заключение

Таким образом, речевые этикетные клише формируют представление о системе норм нравственного поведения человека, общества, социальных групп, являются руководством в коммуникативном поведении

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что речевые этикетные клише осетинского языка являются универсальными и национально-специфичными. Так, в содержании этикетных формул отразились вера осетин в высшие силы, в загробный мир, в семейных отношениях соблюдается табуирование имен, важной частью этикетных выражений являются культурные концепты, существует система ласкательных обращений и фразеологизмов. В целом этикетные формулы выполняют необходимые контактные, интеллектуальные и эмоционально-экспрессивные функции, что создает толерантные отношения в национальном сообществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 655 с.
2. Артаев С.Н. Национальная специфика коммуникативного поведения: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Майкоп, 2020. – 51 с.
3. Бахаева Л.М. Особенности этикетных моделей прощания в чеченской лингвокультуре // Российский гуманитарный журнал, 2019. Том 8. №2. – С. 153-158.
4. Воркачев С.Г. Избранные работы по теории лингвокультурного концепта: монография. – Волгоград: Парадигма, 2013. – 167 с.
5. Гаджихмедов Н.Э. Язык как индикатор этнического менталитета (на материалах русского и кумыкского языков) // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. № 3. – С. 57-61.
6. Дзадзиев А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. – Владикавказ, 1994. – 284 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность. концепты, дискурс / И.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
8. Моргоева Л.Б. Экспрессивность разноуровневых единиц языка (на материале осетинского и русского языков): монография. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009. – 248 с.
9. Стернин И.А. Русский речевой этикет. – Воронеж, 1996. – 73 с.

© Цопанова Рита Георгиевна (tsopanowarita@yandex.ru), Рамонова Алина Владимировна (ramonovaalina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»